

Некоторые данные о составе лексики отказных книг

Касаясь предмета лингвистического источниковедения, С. И. Котков говорит об изучении источников «со стороны их лингвистической содержательности и информационности»¹. В этом случае языковед интересуется не содержанием (источника. — Т. В.) само по себе, а лишь известная обусловленность им специфики его языкового выражения, употребление в том или ином источнике определенного комплекса средств языка — фонетических, грамматических, лексических и т. д.»²

Попытаемся в этом плане characterize скорописные отказные книги XVII в.³

Указанные книги отражают состояние и периферийной приказной письменности, и вместе с тем в известной степени черты народно-разговорного языка, а также местных говоров преимущественно южновеликорусской области.

Книги содержат ценные сведения о русской лексике XVII в. как общеупотребительной, так и локальной. Сопоставление лексических данных говоров, соотносимых с данными отказных книг, выявляет состав традиционной лексики и семантическую эволюцию некоторых слов.

Материалом для статьи явились следующие источники: «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги»⁴; рукописные отказные книги, хранящиеся в ЦГАДА: Воронежская (оп. 2, кн. 12287); Елецкая (оп. 2,

¹ Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 9.

² Там же, с. 12.

³ Книги хранятся главным образом в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), ф. 1209, Поместный приказ. О возможностях исследования указанных книг в лингвистическом отношении писал С. И. Котков (Котков С. И. Отказные книги. — ВЯ, 1969, № 1, с. 131—135).

⁴ См.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. подгот.: С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977 (далее, приводя примеры из этого издания, указываем страницы).

кн. 8833); Карачевская (оп. 2, кн. 9185); Ливенская (оп. 2, кн. 14413, 14416; Новосильская (оп. 2, кн. 8994); Путивльская (оп. 2, кн. 10585); Рыльская (оп. 2, кн. 10569); Чернская (оп. 2, кн. 8981, 8991) ⁵.

Книги состоят из «отказов» — документов, которые закрепляли право военнотруженика человека пользоваться земельным владением за несение государственной службы. Описание владения обычно сводилось к перечислению различных угодий с исторически сложившимися их индивидуальными названиями, установлению их положения по тем или иным ориентирам, указанию границ владений.

Поэтому в книгах представлена довольно значительная группа лексики, связанная с характеристикой различных угодий. Отмечены названия: пахня паханная, перелог, дикое поле, сенные покосы, сеножати, места дворовые, усадища, урочища, присады, хмелевые угодья, хмелевые дубровы, хмелевые болота, хмельники, бортные ухажья, звериные ловли, звериные стойла, бобровые гоны, козиные сети, рыбная ловля, вспуды и перевесы, луг, выгон, займища, тетеревиные ловли, тетеревиные попужи и др. Отдельные названия этих угодий не отмечены ни в словарях, ни в картотеке ДРС. Таково название *тетеревиные попужи*: берег реки Усожы | со всякими угодьями рыбная ловля и | бобровыя гоны < . . > | и тетеревиныя попужи и козиныя | ходы и столы (172). С. И. Котков соотносит второй компонент этого названия *попужи* со вторым компонентом выражения «лебеди роспущени» («Слово о полку Игореве»), предполагая при этом, исправленное некоторыми лингвистами чтение — не *роspущени*, а *роspужены* ⁶.

■ Привлекает внимание обширная группа лексики, связанная с обозначением природных и искусственных межевых примет. В качестве межевых примет перечисляются водные источники, детали рельефа земной поверхности, кусты, деревья и т. д. В большой группе их наименований выделяется несколько тематических групп.

Названия полевых, луговых участков земли, служащих границей земельных участков разных владельцев: лука,

⁵ Цитируя непосредственно материалы ЦГАДА, хранилище, фонд (1209) и номер описи (2) далее не указываем. Отмечаем ед. хр. и лист рукописи.

⁶ См.: Котков С. И. Лексические элементы «Слова о полку Игореве», связанные с Новгород-Северской землей. — Рус. речь, 1975, № 5, с. 13—24.

степь, всполье, заполье, выпуск, клин, выгон, займище, земля пашенная, пашня пашенная, сенные покосы, кулига и др. Слово *кулига* в смысле «небольшой покос, пожня особняком среди пашен либо лесу, прогалинка, полянка» (Даль, Слов.) связывают обычно с северновеликорусской областью⁷. Материалы отказных книг показывают, что слово *кулига* в старину было обычно и на юге. Находим его в белгородских, елецких, мценских, черньских и новосильских местах: *Усада емѸ ГѸнтицу БесѸдину || вверхъ по Сиверскому ДонцѸ < . . > и в кулиге возле | Чернои лѸс (19); межа < . . > помѸстью Рындина ѿт дошковског броду на | Яблону кулигу (88); Оедор Исаев снѸ Сукманав < . . > ездил на кулигу (кн. 8991, л. 386).*

Отдельную группу представляют наименования разновидностей растительного покрова: березник, бор, борок, взлесок, гаек, гай, дебри, дуброва, дубовик, ивняк, колок, лес, перелесок, подлесок, поросник, роца, чаща и т. д.

Назовем далее обозначения возвышенностей, склонов и подножья возвышенностей: вершина, взгорье, взлобок, гора, гряда, косогор, отрог, полугора, полугорок и др.

Большую группу составляют названия низин, ям, оврагов, а также оврагов, поросших лесом, и склонов оврагов: водомойна, вывершек, верх, вертеб, болонье, буерак, дол, ендовка, ендовище, изрог, котлубань, лог, провор, проворотье, пристенок, ров, ровец, яма, яружка и др. Ср.: *пристенок* юж. «крутой, обрывистый берег реки» (Даль, Слов.). В современных воронежских говорах *пристенки* — «обрывистый склон, поросший лесом»⁸. Пример из отказных книг: *пашня дикое поля ковы|ла на пашню возле Непхаев лесъ при|стенка к Муравскому шляхѸ (30)*. В картотеке ДРС в этом значении слово не отмечено.

Материалы отказных книг в определенной мере доносят до нас отголоски народно-разговорной речи древней Руси. Имеем в виду отдельные слова, отложившиеся в топонимике юго-запада южновеликорусской области. Например, в рыльских отказных книгах встречаем слово *болонье* в значении 'заливной, поемный луг или подгорье': *рѸбеж | по обчей ровец ат об|чего равца через болоня (278)*.

⁷ См.: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, с. 105.

⁸ См.: Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Канд. дис. Воронеж, 1973, с. 31—32 (далее в тексте: Дьякова).

Напомним, что некоторые лексические элементы, вошедшие в «Слово о полку Игореве», такие, как *яруга*, *струга*, *болонье* (*оболонье*), представленные в памятниках делового содержания XVI—XVII вв., приурочены к бывшей Новгород-Северской земле, с которой связаны события, получившие отражение в поэме⁹. Слово *болонье*, с выяснением значения которого связана большая литература, было обычно в отказных книгах, связанных с западной окраиной южновеликорусской области. Обращение к этим источникам ставит истолкование этого слова на более прочную основу. *Болонье* в рыльских отказных книгах знаменует «продолжение местной лексической традиции, уходящей в более позднюю эпоху в пределах южновеликорусской территории»¹⁰.

Отметим разнообразие названий оврагов. В рыльских и белгородских отказных книгах находим знакомое «Слову» название оврага *яруга*: по | ярѹгу что вышла ярѹга верхом под ли||венскую дорогу а ѡт тои ярѹги вниз | по лагу к Северскому Донцѹ (33); бортнои ѹхожи по дѹброве | и по ерѹгом (279); рѹбеж тому помесю от Каменског рѹбежа || <...> по речку по Божок | по ерѹжку (279). Карачевские отказные книги знакомят нас с иным названием оврага — *черторой*: Рамаш Дваини <...> отказал <...> карачевцом дѹтем богарским Исаю | Меркуловѹ сну да Тимоѹю Григоревѹ сну Лѹже|цким старинные помѹсные отцов ихъ и дѹда | что владѹли изстари в помѹси <...> от рѹчки Велемї до рѹчки Селенки <...> да по волчьи амы а от волчьихъ | ям лѹбая ж сторона по черторої (122). Ср.: *черторой* «овраг, рытвина от воды» (Даль, Слов.). В картотеке ДРС слово *черторой* не отмечено. Название оврага *провор*, зафиксированное Далем в псковских говорах (Даль, Слов.), находим в брянских местах: мѹжа земли дрвни Иванович ѡт дрвни | ѡт Сельца от рѹки ѡт Ветмы по Везовои поток | в Чернои лес<...>и темъ Чор|нымъ лѹсомъ <...> в провор | ѡт провора в Хотешек у верхи (54). Известное ныне воронежским говорам слово *проворот* исследователи определяют как «пологий овраг» и относят к воронежским локализмам¹¹. По словам Ф. Н. Милькова, *проворот* «сквозная балка, рассекающая

⁹ См.: Котков С. И. Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1961, с. 65—67.

¹⁰ Там же, с. 67.

¹¹ См.: Дьякова В. И. Указ. соч., с. 31—32.

междуречное плато»¹². В отказных книгах представлено образование *проворотье*: через праворатя (*так!*) дѣброваю на выезде стоит дѣб (73); на гредѣ | стоит дѣб на нем гран от того дѣба пряма на проворатя меж Раево и Скородного лѣску стоит дуб (233). По данным отказных книг слово *проворотье* бытовало в воронежских и новосильских местах. В елецких книгах обнаруживаем факт, неизвестный иным историческим источникам или встречающийся как единичный. Таково, например, слово *яслины*: елченин сотник | Олѣереи Тюнин ѣздил въ Елецкой уѣздѣ въ | Бруслановской стан под болшеи Слободцкой лѣс || по ѡбе стороны Проходцких аслин на го|ру Проходцкими яслины до выезду что | выезжают ис Проходцких аслин в Лаврову по|ляну ѡт проходцково выѣзду на гору Проходцкими яслины до первого ѡтвершка <...> от первого вершка <...> до рѣчки до Птани по правую сторо|ну на пустош диког поля на пропащную землю <...> да на том | диком поле переписал присады и урочища (89). Слово *яслины* не находим ни в словарях русского языка, ни в картотеке ДРС. Ср.: *ясли* стар. «лог, разлог, раздол, ложбина» (Даль, Слов.).

Заметную группу образуют нарицательные названия водных источников, водоемов со стоячей водой, болот, моховых болот, истоков рек, мест слияния и разветвления потоков и т. д.: болото, водоток, затон, ерик, исток, озеро, речка, ржавец — «ржавое болото» (Даль, Слов.), колодезь, проток, пруд, прудок, раздоры, ростки, ручеек, стрелица, струга и др.

Гидроним *колодезь* «речка», «ручей», характерный для южновеликорусских говоров, прослеживается в белгородских, брянских, елецких, карачевских, курских, мценских, новосильских, орловских и рыльских местах. Отмеченная в «Книге Большому чертежу» территориальная приуроченность слова *колодезь* в смысле «речка», «ручей» обозначена городами: Путивль, Рыльск, Кромы, Мценск, Ефремов, Липецк, Старый Оскол, Новый Оскол. Как видим, материалы отказных книг расширяют указанную территорию. Приведем некоторые примеры: усады и дворовые мѣста | за Липовым Донцом на крымской сторо|нѣ в Нопхаевом лесу ѡбапол северю|чья колодезя (25); навасилец

¹² Мильков Ф. Н. Словарь местных географических терминов Черноземного Центра. — Науч. зап. Воронежского отд. Географ. об-ва СССР, вып. 2, 1970, с. 16.

Петръ Булгаковъ | <...> в Навасилскои уѣздъ в Николскои стан Куздедемяскои (так!) приход пад Малинов лѣсъ || побе (так!) стороны реки Суши да са реку | са Зушу па Слепотину калодизю на | гару да с верхъ Слепатинских ѡтвершков | Напраснага калодизя па Дубок калодиз на подол па Дубку калодизю | к рекѣ Зушу <...> ѣздиль (222); асадное голова Кузма Савенок <...> въ Новосилскеи въѣздъ в Николскои стан в Куздедемянскои || приход са рекою са Зушею от колодизя | реки ѡт Суши на Суровины <...> ѣздиль (220). Ерик «небольшой ручей» (Слов. Акад. 1809) отмечается в воронежских местах: Дрѣжининѣ Протопопову полю рѣбеж едѣчи из Дрѣжининаи ѣсады через Симовнои ерек | на прогон на мость (69); угод|я по Ёросанскои рубеж по суходолнои || ерек а с того суходолногш ерька с усть|я пряма са Дон <...> на Высокои верхъ (84).

Четкая локализация названий водных источников в определенных местах показывает, что материал указанных книг в отдельных случаях может служить ценным источником для исследований по русской исторической диалектографии¹³.

В книгах с западной окраины южновеликорусской области находим название *струга* «поток» или «ручей», известное «Слову о полку Игореве»: ѣдучи от Путивля | <...> по Канатоп | <...> вниз Конатопом <...> по Рамановъ загород а на | Раманове загороде ѣсадище <...> да по Семское Болшое болото да по | Кратовское селище прямо по Гвинтову стругу по обѣим старонам Гвинтовои стрѣ|ги (кн. 10569, л. 1092 об.); ѣдучи <...> вниз по Семское Болшое болото да по <...> сели|ще прамо по Гвинтову стругу по обе|имъ старонам Гвинтовои стрѣ|ги да про | лески Версанские (там же, л. 1091).

Примечательно название *Хорсово болото*, отмеченное в рыльской отказной книге: Иван Свягин всял с собою тую|шних і сторонних людеи <...> ѣздиль в поступное <...> поместье на пустошъ дикое поле | на речку на Бѣлицъ по обѣ стороны і къ | Хорсовѣ болоту да в томъ поместьи переписалъ места два|ровые і всякие угоди по ѡбѣ стороны речки и в верхъ речкою Бѣлицею к Хорсову болоту (кн. 10585, л. 11—11 об.).

Не находится ли это название в какой-то связи с упо-

¹³ См.: Котков С. И. Памятники русской письменности и историческая диалектография. — ВЯ, 1975, № 2.

минанием в «Слове о полку Игореве» Хорса — бога солнца? (Всеславъ князь людемъ судяше княземъ грады рядяше а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше). Обычно болота и овраги в народных верованиях считались местопребыванием нечистой силы. Отражение подобных представлений проявляется и в старой письменности Новгород-Северской области¹⁴. Так, в отказной книге: сатанино болото (кн. 9185, л. 1072 об.) возможно и *Хорсово болото* — название аналогичного происхождения. «На первый взгляд, такое мнение, — пишет С. И. Котков, — противоречит наиболее распространенной точке зрения на Хорса как бога солнца. Но это противоречие нетрудно устранить, принимая во внимание следующее обстоятельство: при переходе от язычества к христианству «добрые» языческие божества, естественно, приобретали иную характеристику, с ними ассоциировалось все ложное, враждебное, темное и злое. В локальной гидронимии XVII в. отражен именно этот этап семантической эволюции слова Хорс»¹⁵.

В ливенских отказных книгах попало слово *стрелица*: на леснѹ рѣчкѹ противу | стрелиць то Гаврилова помѣстье Смагина <...> ѡтказал внѣчетаь ево ливенцамъ Иванѹ болшомѹ да Иванѹ | меншомѹ да Ѳедотѹ и Тарасѹ да Не|стерѹ Тимоѣевымъ дѣтемъ | Смагинымъ (кн. 14413, л. 441 об.); помѣстье ѡтказал имъ <...> Ѱсть Николскаго верха на леснои рѣчки против | стрелицы (там же л. 442). Ср.: в современных воронежских говорах: *стрелица*, *стрелка* «разветвление потоков» (Дьякова, 62). С обилием нарицательных гидронимов в отказных книгах, естественно, сочетается обилие собственных гидронимических названий.

В качестве ориентиров служили и менее заметные детали ландшафта: *рубеж селищам* <...> ѡт овиною ямы | прама (*так!*) у водомоину (40); на *взлюбку лиси* и *сѣро|вые ямы* (100); *межа тому жѣ хѣ помѣсю* | <...> через реку *Зѣшѣ* на *медвѣжю берлугѣ* а *от тои* | берлуги *вверхъ* по долу на *гору* (229). Привлекают внимание топонимы с определением *волчий*, поскольку традиционно утверждалось, что на юге волка называли бирюком: *от* <...> *дрѣни Галѣби|ны* да по *волчьи амы* а *от волчьихъ* | *ям*

¹⁴ См.: Котков С. И. Хорс в «Слове о полку Игореве» и отголоски этого имени в Северной гидронимии. — Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. СXXXIX, 1963, вып. 9, с. 71—73.

¹⁵ Там же, с. 73.

лѣвая ж сторона по черторої (122); мѣжа <...> с <...> дубро|вы на волчью |amu (кн. 14413, л. 629—629 об.); мѣжа <...> от тово дуба на |волчью |amu (там же, л. 451 об.); Траѣимъ <...> Иванъ | Глаткому |отказал в тѣх урочишех <...> къ еле|цкомъ ево помѣстью <...> въ его оклад сто чети а признака томъ ди|комъ полю <...> со Владыкина |верха <...> прямо на |Волчеи |верхъ (112). Топонимов с определением *бирючий* отметить не довелось.

Едва ли в каких других источниках XVII в., кроме отказных книг, найдем такую обширную коллекцию определений деревьев — межевых примет: дуб толсть краковистъ (12); д8б с вѣтми приземистъ (12); дуб толсть (12); д8б виловатаи (69); дуб моложав (кн. 10569, л. 1288); дубъ потъскобъленъ (72); д8б развиловат (74); жиливатаи дуб (кн. 14413, л. 686); краснои д8б (кн. 14413, л. 767); д8бъ желват (90); д8б к8дряв (113); дуб дроковит (227); дуб плотав жилинаю (с жилиною) (кн. 8991, л. 489 об.); дуб росо|ховиловат (кн. 12287, л. 466); яловои дуб (кн. 10569, л. 1354 об.), ср. о дереве либо кусте: «безплодный, не дающий плода» (Даль, Слов.). Такие признаки деревьев, как дуб нелинец (кн. 10569, л. 1354 об.), д8б нелинец с опузиною (275) не отмечены ни в словарях, ни в картотеке ДРС. В новосильских отказных книгах: стоит дуб грамабоина (215); в черньских книгах: дуб громобойнъ (кн. 8991, л. 216). Ср.: *громобойна* «дерево, поврежденное молнией» (СРНГ, вып. 7). Отмечаются далее признаки, редко встречающиеся в иных памятниках в силу их жанровой специфики: под Чорным лесам || стоит дуб а на том дубу стоячавка | выпловак (23); с верхъ д8бровки стоит д8б съ выплов |комъ (110). Ср.: *выплавок* на дереве «кап, блона, наплав, наплыв, свиль, завой» (Даль, Слов.); *выплавок* «древесный нарост на стволе дерева, который отличается особой прочностью, так как образуется мелкими волнистыми путанными слоями» (СРНГ, вып. 5).

Многочисленные в отказных книгах указания на размеры угодий насыщены метрологической лексикой. Мелькают такие наименования, как: четь, десятина, третник, полутретник, четверик, получетверик, осмина, полуосмина: сѣнажати три|цат три чет (кн. 15820, л. 153); земли <...> в дрѣне Чюраевѣ сорок шесть чети с осми|ною и с пол8четвериком (27); пашни на шесть чети без полуосми|ны (249); пашни пахо|ныя осмина (269); лѣсу хоромног и дрвеног <...> сем десятинь (269). Размеры сенокосных угодий определялись количеством получаемых

с них копен сена: сѣна две тысеци три|ста сорокъ копен |шпрично помѣщи |ковы земли (169). Сообщается и о других кладях сена — *скирдах*: сѣна по селищем и по саполю и по | дѣброве и по лугом и в лужках по 8леси | в пожнищѣ в долги скирды три|ста копен (129), ср.: *скирд* «долгая и большая кладь сена или хлеба» (Даль, Слов.).

Описания помещичьих и дворовых мест включают названия жилых и хозяйственных строений иногда с такими значениями, которые нигде не отмечались. Так, во мценской отказной книге встретилось слово *овчух*: на дворѣ хором | изба жилая да клѣт с приклѣтом пластин|ное да мшеничишка да клѣт липовая с ов|чюхом (182). Ср.: *овчух* «пастух овец, овчар, скотник» (Срезн. Матер. II); *овчухи* «насекомые, которые впиваются в овец; клещи» (Опыт); *овчюг* «овчар» (Слов. Акад. 1847); *овчюх* «овечий пастух»¹⁶; *овчух* «клещ, впивающийся в овец», *вор.* (Даль, Слов.) Даль отмечает и *овчарух* «овечий хлев или загон, стойло, баз, базок» в тамбовских, курских и тульских местах. Слово *овчарух* было известно воронежским говорам XVII в.¹⁷, не чуждо оно этим говорам и ныне¹⁸. В значении «овечий хлев или загон» известно оно говорам Новосибирской области¹⁹. Орловчане фиксировали слово *овчух* в составе географических названий: са рѣ|чкую са Овчюхом написал мѣсты дво|ровыя (258); берег рѣчки Овчюха (258); са рѣ|чкою | Овчюхом ш|стров дікоя земля (259); Алѣ|мъ Некрасов <. . .> переписал в усади|ши двор помѣшкае (так!) да в пусташи Овчю|ху мѣста дворовая (245). Слово *овчух* в XVII в. было, по-видимому, диалектизмом. Как вполне обычные для Юга предстают в отказных книгах названия *изба* и *клеть*: на шгаро|дном мѣсте ему Ѳедоту изба Григоря | Мелеховског (20); на дворѣ хором | изба жилая; на дворѣ хоромъ | изба на щепѣ (182); на дворѣ | на боярском изба болшая (208); на дворѣ | изба (280); на дворѣ хором | изба жилая да клѣт с приклѣтом пластин|ное да мшеничишка да клѣт липовая с ов|чюхом (182); на <. . .> дворѣ двѣ клетки (217); на | дварѣ двѣ избѣ да клѣт (221). Эти данные отказных книг пока-

¹⁶ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.

¹⁷ См.: Хитрова В. И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII—первой четверти XVIII веков. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1972.

¹⁸ Там же, с. 23.

¹⁹ См.: Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979, с. 347.

зывают всю несостоятельность отнесения названий *изба* и *клеть* в историческом плане только к Северу.

Поскольку при отказах поместий вдовам военнослуживых людей выделялись земли «на прожиток», учитывали состав помещичьих семей и наличие «душ» мужского пола в крестьянских дворах. В связи с этим в отказных книгах обнаруживаем присутствие терминов родства: брат *Ивашко* (26); *в нево* | *Васки пасынокъ Гришка* (26); *в нево* *Игнатки шѣринъ Кѣприкъ Ермолов* (26); *в нево* *Куземки зят Степанка Огѣев* (27); *Угода владеет* < . . . > с матерю своею да з дядею (43); с ним живет | *своякъ ево Троемка Ѡждов* (58); помѣстье < . . . > было дано < . . . > братѣ ево двоюродномѣ (171); *Тимоѣю с тово деда* | *своево помѣстья гсдрва* | *служба слѣжит а бабкѣ* свою вдову *Аинѣ* да *ѣе жи* | *вота кормит* (164); вдовино *Ѡведотино* < . . . > да *дѣвки Крестинки* < . . . > прожиточное *их помѣстье* < . . . > что *Ѡнѣ поступи* | *лис* < . . . > *Климу Савенкову вдова Ѡведотя зятю своему* || а *дѣвка Крестинка* *свояку своемѣ* < . . . > *Микифор Кононов* < . . . > *Ѡтк[аза]л* | *Климу Радивновѣ* сну *Савенкову въ ево Ѡклад* (170). Отметим варианты *своячина* и *своякиня*. *Своячина* отмечается в курских книгах: ему *Климу* < . . . > *сво|ячину* свою *дѣвку Крестинку* < . . . > до < . . . > *живота кормить* (170); в мценской находим *своякиню*: *откозал* тому | *Еремею Ошизмину* *своякини'* (с *своякини'*?) *ево девкоми'* | *Дмитреява поместья Субочева* *тритцат* | *четии* в *поли'* (181). *Своячина* сохраняется в современных южновеликорусских говорах, например, В. И. Хитрова отмечает его в воронежских местах²⁰. *Своякиню* в орловских говорах отмечает С. И. Котков²¹.

Участники отказных процедур, как юридически ответственные, отмечались в книгах точно — с обозначением их по месту жительства: белгородец, воронежец, ельченин, курченин и т. д. С точки зрения исследования данной группы имен, отказные книги представляются достаточно содержательными.

Составители отказных книг обычно переписывали дворы помещиков и крестьян «и во дворах людей по именамъ». Кроме того, в отказах или отводах принимали участие писцы и те, кому земля отводилась, а также многочисленные свидетели. Вследствие этого отказные тексты со-

²⁰ См.: Хитрова В. И. Воронежские ревизские сказки XVIII в. — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 55.

²¹ См.: Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 208.

держат богатый материал по ономастике. Хотя книги относятся к сравнительно позднему времени, в них еще упоминаются старые славянские имена: Дружина, Нехорошко, Ждан, Волокита, Вторышко, Гневуша и др. Наряду с заимствованными христианскими именами употребляются и собственно русские: Ивашка Восилевъ проз|вища Рыла (122); Микифорка прозвища (*так!*) Роздабар (32). Прозвищные наименования иногда ассоциируются с такими словами, которые сохранились лишь в диалектах, порою в реликтовом состоянии: пачинок Кузмина сна Игнато|ва прозвище Сык (175). Ср.: зыкъ «звучный стук, крик, шум» (Даль, Слов.); Микиѳор Иванов снѣ С8явѣ Михаи|ла Павловъ снѣ С8явѣ (155). Ср.: *зуй* название птицы (семейства куликовых); как прозвище: задира, озорник (Сл. РЯ 6, с. 69).

Фамильные прозвания в отдельных случаях освещают историю диалектизмов. Фамилия Козюлькин, например, может свидетельствовать о названии в ту пору на юге ядовитой змеи *козюли*. *Козюля* в этом значении известна и ныне восточным говорам Курской области²². В отказных книгах: 8годям владѣт в одних с Савостею | Казюлкиным (143); на штдѣле были < . . >с Тимофѣямъ | Триѳонавым < . . > снѣ бо |ярскаи Сила Казюлкин (144).

Лексическое наполнение отказных книг не исчерпывается указанными группами лексики. Перспективно и изучение по данным книгам, например, наименований бортовых знамен — вырубленных или вырезанных на бортовых деревьях условных знаков, посредством которых обозначали принадлежность бортовых деревьев определенным владельцам. В качестве названий бортовых знамен, которые представляли собой схематические изображения орудий труда, предметов бытового обихода, военного снаряжения, частей человеческого тела, животных и других реалий, употребляли, естественно, наименования этих реалий. Таковы, скажем, названия: вески, вилы, ветвина, грабли, дуга, кольцо, копыл, копылец, клецы, палица, пояс, орик, сапожок, светыч, скамейка, соха, тебеньки, хомутец и др. Встречаем также названия, связанные с миром животных: сорочья лапа, змейка. Наименованиями бортовых знамен служили и названия предметов военного снаряжения: лук, стрела, тетива, шелом, шеломец.

²² См.: Баранникова Л. И. Закономерности развития диалектов в эпоху существования наций. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 55.